

К проблеме предмета судебно-психиатрической экспертизы. Отклик на дискуссию А.А.Ткаченко и С.Н.Шишкова

Савенко Ю.С. к.м.н., президент

Независимая психиатрическая ассоциация России
101000, Москва, Лучников пер., 4

Автор для корреспонденции: Савенко Юрий Сергеевич; e-mail: info@npar.ru

Финансирование. Исследование не имело спонсорской поддержки.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила: 19.02.2018.

Для цитирования: Савенко Ю.С. К проблеме предмета судебно-психиатрической экспертизы. Отклик на дискуссию А.А.Ткаченко и С.Н.Шишкова. *Психическое здоровье* 2018; (3): 68-75. DOI: 10.25557/2074-014X.2018.03.68-75

Критически обсуждается проблема предмета судебно-психиатрической экспертизы в контексте предмета судебной психиатрии и предмета судебной (пато)психологии. Предлагается подход, снимающий межкорпоративные конфликты и открывающий перспективу конструктивному взаимодействию.

Ключевые слова: судебная психиатрия, судебно-психиатрическая экспертиза, патопсихология, межкорпоративные конфликты.

В «Руководстве по судебной психиатрии» под ред. А.А.Ткаченко, 2012 г., вопреки приверженности редактора «Общей психопатологии» Ясперса [1], первую главу «Предмет и задачи судебной психиатрии» написал не психиатр, а юрист С.Н.Шишков [2], эту работу явно игнорирующий. Мало того, что он ограничил себя разбором определений предмета судебной психиатрии «в советских учебниках и руководствах, начиная со второй половины 30-х годов прошлого века», т.е. проигнорировал первое советское руководство 1928 г. — «Судебную психиатрию» Николая Павловича Бруханского с солидарным предисловием П.Б. Ганнушкина [3], проторявшего в психиатрии вклад феноменологического направления Карла Ясперса, — первое после более чем четвертьвекового перерыва со времени последнего издания руководства по судебной психиатрии В.П.Сербского. Два из трех цитируемых им руководств по судебной психиатрии, 1938 и 1954 гг., написаны для юридических вузов. По словам автора, формулировка 1954 г.: «изучение психических расстройств в их специальном отношении к вопросам уголовного и гражданского права и процесса» и «подобные определения фигурировали в учебниках и руководствах, издаваемых в последующие годы, сохранившись до последних дней» (1990, 2001). Критикуя их, он предпочитает собственное определение, данное еще в 1990 г.: «предмет судебной психиатрии составляют психические расстройства, имеющие правовое

значение в уголовном и гражданском процессе». Автор не замечает тавтологичности и малосодержательности обоих определений. Это все равно, что ограничиться аналогичным определением предмета психиатрии: психические расстройства, имеющие клиническое значение в медицинской практике. Мы видим, что за 64 года определение предмета судебной психиатрии у нас фактически не изменилось.

Оставляя пока в стороне уклонение автора от обсуждения формулировок В.П.Сербского, А.И.Ющенко и Н.П.Бруханского, формулировок зарубежных классиков судебной психиатрии и устоявшихся современных международных определений, рассмотрим принятые в науке правила дефинирования предмета изучения наук. Они обычно даются посредством, по крайней мере, трех дополняющих друг друга следующих типовых способов дефинирования предмета науки:

- 1) формулирование его специфических особенностей;
- 2) разграничение с известными родственными, близкими или сходными понятиями (в данном случае — с клинической психиатрией и судебной патопсихологией);
- 3) приведение перечня основных проблем, что принуждает не только не упустить, но акцентировать наиболее важные из них и даже ввести новые.

Так, в трехтомном «Энциклопедическом словаре медицинских терминов» 1983 г. [4], в редколлегии которого психиатрию представляли А.В. Снежневский и А.А. Портнов, читаем: «судебная психиатрия — это раздел психиатрии, изучающий проблемы судеб-

но-психиатрической экспертизы и правового положения психически больных, разрабатывающий медицинские критерии невменяемости и недееспособности, а также систему медицинской помощи больным, признанным неспособными нести ответственность за уголовно-наказуемые деяния или осуществлять гражданские права и обязанности». Рядом дается определение феноменологической психиатрии: «направления в психиатрии, изучающие расстройства психической деятельности на основе идеалистических философских концепций в отрыве от исследования мозга, что исключает познание сущности психических болезней, имеет распространение в буржуазной психиатрии». Эти дефиниции следует рассматривать в неразрывной связи, иначе не понять практики советской судебной психиатрии, которая основывалась, как все в то время, на принципе партийности, т.е. принципиальной воинствующей тенденциозности, тогда как «идеалистической философией» назван метод неподвзятости, даже беспредпосылочного описания, т.е. того первого этапа любого научного исследования, который предопределяет все последующее. Оба отечественных лидера феноменологического направления в философии и психиатрии — Густав Шпет и Николай Бруханский — были уничтожены в 1937 г., а их имена замалчивались на протяжении всей советской власти. А ведь уровень их текстов был неизмеримо выше прочих.

Что касается Н.П.Бруханского, то он в первом советском руководстве «Судебная психиатрия» в качестве *объекта* судебной психиатрии называет «личность преступника», а в качестве *предмета* — изучение взаимоотношения между психическими расстройствами и преступностью. То есть, это криминальная психиатрия «в непосредственной связи с вопросами профилактики и законодательства», уточняя, что криминальная психиатрия изучает «психические заболевания, приводящие к правонарушению», и патологические личности, которые являются «носителями преступных тенденций», с исследованием самого правонарушения, «как психопатологического следствия». «Общество устанавливает, что именно является преступлением. Поэтому оно условно, непостоянно». «Область, занимаемая судебной психиатрией, необычайно широка. Здесь, как ни в одной другой дисциплине, общие, социально-экономические, биологические и патологические моменты должны быть строго учтены».

Таким образом, Бруханский, в отличие от современных отечественных определений судебной психи-

атрии, вводит три фундаментальных категории: личность, опасность и профилактику.

Понятие *личность* предопределяет индивидуальный подход, что является принципиально важным и отличает медицину и этику от юриспруденции. Понятие *опасность* предопределяет выяснение риска агрессивных и аутоагрессивных действий, виктимности и деструктивного поведения (лгуны, воры, мошенники, вандалы, хулиганы). Понятие *профилактика* соответствовало господствовавшему в то время психопрофилактическому направлению в психиатрии Льва Марковича Розенштейна, разгромленного к 1935 г.

Тогда судебная психиатрия сосредотачивалась на изучении личности преступника, были созданы «Кабинеты по изучению личности преступника и преступности», в Москве в 1923 г. и в Ростове-на-Дону в 1930 г. Московский Кабинет выпустил к 1927 г. 5 объемистых сборников своих трудов. Выходила большая литература на эту тему. Но все эти высокопродуктивные разработки вместе с профилактическим направлением в 1934—1935 гг. были уничтожены. В 1921—1924 гг. почти все пациенты с психопатиями признавались невменяемыми либо ограниченно вменяемыми, хотя в советском законодательстве такой категории не было. С 1924 г. Институт им. В.П.Сербского отказался от этой «либеральной практики». Лечение психопатов — это воспитание их, как сформулировал это В.П. Осипов в 1936 г., на Беломорканале [5]. Выражением этого было снижение экскульпации психопатических личностей с 1922 по 1935 гг. в 15,5 раз! [6]. Официальным объяснением служило обвинение этих исследований в неоломброзианстве, расширительной диагностике, симпатиях к Ясперсу и другим чуждым буржуазным философам. Несомненно, что этому содействовала политика в области евгеники, антропологии и психиатрии пришедших к власти в Германии нацистов. Сыграла роль расистская позиция лидера генетических исследований в психиатрии Эрнста Рюдина. По законам 1933 г. о «предотвращении наследственно больного потомства и опасных привычных преступников в Германии было стерилизовано в 1934 г. 580 тыс., в 1935 г. — 500 тыс. человек» [7]. Контрреакция на это была с выплескиванием самой проблематики генетики и антропологии¹. Характерно, что советские авторы в своем отношении к трудам Ломброзо, Рюдина, Карла Шнайндера (обличая или игнорируя) контрастировали с взвешенной научной позицией Ясперса в послевоенных изданиях «Общей психопатологии», который писал о несомненных кон-

¹ С 1936 г. гениальный биолог Николай Константинович Кольцов, предтеча трех открытий в областях генетики, получивших впоследствии Нобелевские премии, подвергся травле, в 1939 г. снят с поста директора Института экспериментальной биологии, а в 1940 г. отравлен. Тогда же арестован Николай Иванович Вавилов.

ституциональных аномалиях у антисоциальных больных — преступников [1, с. 868-869].

До сих пор понятие личности не возвращено в дефиницию судебной психиатрии, вопреки особой важности и сложности проблемы не только психических заболеваний, но и врожденных и приобретенных психических дефектов и девиаций, объединяемых понятием психических расстройств. Для С.Н. Шишкова, как юриста, естественно ограничиться этим последним понятием, но для психиатра всегда очень важно квалифицировать каждого больного, как и каждого подсудимого, по этим двум фундаментальным измерениям — наличия болезненных нарушений и патологических девиаций, а также их тяжести и динамики. А ведь еще в руководстве «Судебная психиатрия» под ред. В.А.Внукова и Ц.М.Файнберг 1936 г. А.М.Дубинин привел следующее определение: «Психические расстройства — заболевания всего организма с преимущественным поражением ЦНС, как непосредственный материальный субстрат, т.е. проявление необходимости всегда иметь в виду всю личность в целом с учетом социальных закономерностей, оказывающих влияние на ее развитие» [8, с. 58-60].

Подобно нашему определению предмета психиатрии, как антропологическому (многослойному) аспекту рассмотрения «психических расстройств личности² и личности с психическими расстройствами» (более подробно мы обсудили это в своем «Введении в психиатрию» [9]), предметом судебной психиатрии является связь (1) девиантной и/или психически больной личности с (2) деликтом и общественной опасностью, т.е. их убедительное выведение из психопатологических расстройств в юридически значимые моменты при невозможности выведения криминального поведения исключительно из индивидуального характера в сложившейся ситуации (психологическое выведение), и/или из преследуемых целей и ценностных ориентаций личности (рациональное, логическое, в данном случае криминологическое выведение), в условиях совершенно другой коммуникации с подэкспертным, чем в клинической психиатрии³, и (3) связь с законодательством, которое регламентирует судебно-психиатрическую экспертизу, вид принудительного лечения и профилактику. Таким образом, предмет судебной психиатрии, если она хочет быть научной дисциплиной, а не политическим инструментом, в основе тот же, что у психиатрии, с указанной конкретизацией.

² Следует иметь в виду, что статистическая по сути МКБ-10 использует понятие «расстройство личности» в дестигматизационных целях, научным обозначением которых остается понятие «психопатии» на уровне характера, даже темперамента, но никак не личности, которая предполагает определенное мировоззрение и иерархию ценностей.

³ Т.е., отсутствием доверия между экспертом и подэкспертным, а также значительно большей ответственностью и сложностью квалификации психического расстройства и его тяжести в условиях часто недостоверного анамнеза

Памятью известное высказывание В.Гейзенберга, что профессионал отличается от дилетанта не тем, что он больше знает, а тем, что он имеет непосредственный опыт типовых ошибок своей профессии, в дефиницию психиатрии и судебной психиатрии важно включить типовые ошибки. В психиатрии это, прежде всего, отсутствие феноменологически фундированных первичных данных и «ускользающая предметность», т.е. психологизация либо биологизация, физиологизация, социологизация и т.п. В судебной психиатрии — это, прежде всего, акцент на диагнозе вместо опасности (с конкретизацией различных рисков) и ограничение себя версией следователя, что чревато «ускользающей предметностью», которая выступает здесь в форме политизации.

Требование к экспертам изложить свое заключение ясным общепонятным образом вовсе не обозначает простое транспонирование на общеразговорную лексику. Этого недостаточно. Необходимо, предусматривая возможные искажения понимания, донести до суда существо своей позиции и ее обоснование, излагая тут же существо типовых искажений. Беда в том, что сами эксперты часто являются их жертвами. Словесные совпадения психопатологической и психологической лексики, их омонимичность, а не тождественность, постоянно приводят к грандиозной путанице с негативными практическими следствиями. Сохраняется наивное отождествление психологических и психиатрических понятий, тогда как эта лексика зависит от контекста. Например, понятие «память» может употребляться в психологическом, психофизиологическом, нейрофизиологическом и даже физическом смысле (следы пребывания, телесные повреждения), т.е. метатеоретически. Феноменологическая выучка гештальт-психологов позволила психологическим понятиям обрести собственно психологический смысл (и говорить о «припоминании») в отличие от физиологической психологии Вундта, которому следовали в этом и Крепелин, и Бехтерев. Между тем, психология обрела новое дыхание в альтернативном направлении на этой исторической развилке в эмпирической психологии Франца Brentano и Карла Штумпфа.

Психологов и психиатров отличает, прежде всего, различное базовое образование — гуманитарное и естественнонаучное. Тем большее удивление вызывает освещение этого вопроса во вполне добротном курсе лекций «Медицинская и судебная психология» (Ред. Т.Б.Дмитриева и Ф.С.Сафуанов) [10] с его

странными сентенциями: патопсихология и психопатология называются «теоретическими дисциплинами», «патопсихология может выступать как теория психопатологии», «психопатологическое исследование выявляет закономерности внешних проявлений (феноменологии) нарушенных психических процессов, а патопсихологическое — стоящие за ними нарушения или особенности протекания и структуры самих психических процессов при том или ином психическом заболевании». Словно не ясно, что каждая научная дисциплина имеет свою феноменологию и свои механизмы. У психопатологии они биопсихосоциальные, а не ограничиваются патопсихологическими механизмами. Автор замалчивает наш подробнейший разбор двух больших дискуссий на эту тему [11].

В соответствии с классификацией наук соответственно четырем онтологическим слоям: наукам о неживой и живой природе, душе (психология) и духе (содержания сознания), психология и патопсихология ограничиваются психическим слоем, тогда как психиатрия относится к многослойным наукам.

В разбираемом тексте различия психопатологического и патопсихологического изложено неудачно, а местами неверно. Общим объектом психопатологии и патопсихологии является не «нарушение психической деятельности», а личность с расстройствами психической деятельности. Это очень большая разница: о самом расстройстве психической деятельности корректно говорить только в контексте конкретной личности и в конкретной ситуации. Но если психиатр в рамках предмета своей профессии рассматривает этот объект не в медико-биологическом, а в медико-антропологическом (многослойном) ключе, то патопсихолог ограничивается более аналитичным сугубо психологическим (однослойным) аспектом рассмотрения личности без ее медико-биологического базиса и без ее ценностно-мировоззренческой духовности, ограничиваясь только психологическим аспектом всего этого. Таким образом, различие их предметов в характере сканирования по охвату и глубине. Делается излишним архаичное представление о патопсихологии как какого-то «звена» в структуре симптомообразования, предшествующего психопатологическим образованиям в патогенезе болезни». Патопсихологическое — не промежуточное звено в искусственно выстраиваемой цепочке причинно-следственных отношений между аналитически вычлененными из живого динамического целого, а самостоятельный аспект рассмотрения всего этого целого.

Такой взгляд полностью устраняет научно-теоретическое основание для межкорпоративных конфликтов. Все психологические и личностные тесты и все психотерапевтические методы в руках психиатра и (пато)психолога оказываются дополнительными друг

другу и перевес вклада того или другого специалиста диктуется стадией развития болезни и глубиной и характером психического расстройства.

Наконец, такой подход открывает незатуманенную дорогу продуктивному междисциплинарному взаимодействию, адекватному пониманию текстов наук, изучающих общий объект. Специфика каждой науки конституируется сочетанием определенных объекта и предмета. Автор игнорирует наш разбор итогов неоднократных дискуссий на эту тему. Наконец, следует всякий раз развяснять существо составившей эпоху уничтожающей критики Гуссерлем психологизма, изгнания его из логики и самой психологии, несостоятельность психологической причинности.

Изложенный подход разряжает напряжение, создававшееся длительно существовавшим обидным положением экспериментальных психологов, многочасовая экспериментальная работа которых мало учитывалась, пока не конституировались судебно-психологическая экспертиза и комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, где психолог выступает на равных с экспертами-психиатрами. Аналогичная нота ревнивой обиды прозвучала у С.Н.Шишкова: «Психиатры ... забрали в свои руки оценку всех юридически релевантных признаков психического расстройства, совершив внешне малозаметную «революцию» компетенции. Компетенция определять меру уголовно-правовой требовательности к психике лица перешла от законодателя и суда к психиатрам» [12, 67]. Изложенный нами подход показывает мнимость неравноправия, тем более, что оно установлено медицинским и юридическим аспектами вменяемости. А тот факт, что суды идут на поводу экспертов, вина суда, принципа «экономии усилий», «экономии мышления», той пассивной позиции, к которой суды приучены нашей действительностью.

Если предметом экспертизы любого рода является углубленное всестороннее полное независимое исследование, что обеспечивается его состязательностью, то предметом судебно-психиатрической экспертизы является установление выведения или невыведения осуществления деликта из характера и тяжести психического состояния подэкспертного на момент самого деликта, психическое состояние на момент экспертизы и предстоящего судебного заседания, определение вероятности рецидива и вида требуемого принудительного лечения, затрудненное совершенно другой, чем в клинической психиатрии коммуникацией с судебным экспертом или комиссией экспертов. При этом должна быть обеспечена научная объективность, т.е. непредвзятость и независимость от открыто обсуждаемых форм давления, что только и делает это экспертизой. Любая экспертиза — это, прежде всего, особенно строго и тщательное соблюдение

условий для получения объективного ответа на заданные вопросы: это разнообразный состав комиссии, процедуры и состязательность.

В отношении судебно-психиатрической экспертизы существует превосходно написанная инструкция Минздрава «Заключение судебно-психиатрического эксперта (комиссии экспертов)» от 12.08.2003, но она в целом ряде важных пунктов не выполняется. Поэтому необходимо повысить ответственность за ее неисполнение, дополнив текст процедурами, обеспечивающими реальную состязательность, что только и сделает экспертизу независимой, т.е. экспертизой в подлинном смысле этого слова. Параллельной мерой была бы реализация предложения А.И.Рудякова и Б.А.Протченко о создании Коллегий экспертов по аналогии с Коллежиями адвокатов [13].

В конце 2016 г. руководитель экспертного отдела Центра им. Сербского проф. А.А.Ткаченко написал работу «Предмет судебно-психиатрической экспертизы и трансляционная медицина» [14]. Похоже, что он воспользовался этой темой, чтобы показать неосновательность следующего антипсихиатрического тезиса С.Н.Шишкова в его объемистой монографии «Невменяемость» 2010 г. [2]: «Никакие достижения судебно-психиатрической науки не в силах сделать судебно-психиатрические оценки проверяемыми, ибо их проверяемость принципиально недостижима естественнонаучным путем. Внешняя атрибутика экспертной аргументации, имитируя естественнонаучные процедуры обоснования и проверки, придает экспертному обоснованию всего лишь некоторую научную респектабельность, которая на поверку оказывается чисто внешней. Более того, сам постулат, что судебные психиатры делают свои выводы относительно тяжести психического расстройства в соответствии с законодательной формулой юридического критерия невменяемости, иллюзорен»⁴. Парадоксально, что автору такого текста А.А.Ткаченко доверил спустя два года вступительные общетеоретические главы последнего руководства по судебной психиатрии. Но антипсихиатрическая установка могла сформироваться у С.Н.Шишкова в связи с методологической ориентацией неопозитивистского толка (в частности, представления о научности только естественнонаучной методологии). Между тем, «Логические исследования» Э.Гуссерля, критическая онтология Н.Гартмана и критический рационализм К.Поппера позволили сделать методологический фундамент психиатрии научным в современном смысле слова, опираясь на новый математический аппарат. Однако современная атмосфера не благоприятствует феноменологическому направлению в психиатрии, воплощаю-

щему непредвзятость и беспредпосылочность. Поэтому С.Н.Шишков осмеивал саму возможность независимой судебно-психиатрической экспертизы, не считая нужным продумывать, как готовить для нее почву в современных условиях, а А.А.Ткаченко оспаривал в 2004 г. негосударственное освидетельствование [15].

Поспешно и неосмотрительно утверждать, как это делает А.А.Ткаченко, что «особую остроту проблематике предмета судебно-психиатрической экспертизы, специфика которого может быть раскрыта только через научно обоснованное содержание юридических критериев, на сегодняшний день задает бурное развитие нейронаук. Олицетворением современной биологической парадигмы психиатрии стал проект Национального института психического здоровья США RDoC..., который утверждает трансляционный подход...» [4, 14].

На макроуровне хорошо видно, что поставленная проблема так не решается, а ускользает и возвращается в более утонченном виде к тому, что клеймилось как неоломброзианство, представляя на деле правомерное направление в науке, скомпрометированное выводами, которые были сделаны пронацистскими психиатрами. Но здесь важно указать, что современные математические модели и компьютерная техника, позволяя проигрывать разные сценарии, не являются решением проблемы, поставленной таким образом. Даже решив ее на генетическом или любом другом биологическом уровне, мы не избавимся от многоуровневости личности, и хотя биологические факторы самые сильные, но в соответствии с законами взаимоотношения слоев Н.Гартмана и современной синергетической общенаучной парадигмой, малые факторы всегда могут сыграть решающую роль. Поэтому ошибочно специфику предмета своей науки помещать на биологическое основание, она — наоборот — в многослойности целостного охвата.

«Специфика предмета судебно-психиатрической экспертизы, — согласно А.А.Ткаченко, — может быть раскрыта только через научное обоснование содержания юридических критериев». Но далее он предлагает «формулировать предмет судебно-психиатрической экспертизы в понятиях, допускающих интерпретацию ключевого его образования (юридическая релевантность) в русле современного представления нейронаук». Само намерение, сама такая попытка вызывают серьезные возражения. — Юридический аспект невменяемости не нуждается ни в каких натяжках и подтягивании к смежным научным дисциплинам, а представляет совершенно самостоятельный взгляд на вещи, интерферирующий с психопатологи-

⁴ Сейчас азбучно, что психиатры не вправе посягать на юридический критерий невменяемости, но еще недавно, а иногда и сейчас судебные психиатры-эксперты самонадеянно пишут «Следует считать (не)вменяемым».

ческим, патопсихологическим и криминологическим. Их пересечение в разных конкретных случаях дает объективный ответ на поставленные вопросы.

Прикладной характер судебной психиатрии, призванный выполнять определенный круг практических задач, не означает обслуживание любых версий следствия, а только научно обоснованные — в пределах своей компетенции — ответы на возникающие вопросы. Между тем, авторитарная власть смотрит на психиатрию чисто потребительски. Достаточно откровенно это признала в «Руководстве по судебной психиатрии» [16] акад. Т.Б.Дмитриева в первой же главе «Предмет и задачи судебной психиатрии»: «Законодательные нормы во многом обуславливают предмет судебной психиатрии, характер задач, стоящих перед экспертами-психиатрами и ряд других принципиально важных для судебной психиатрии вопросов. В соответствии с изменениями законодательства может меняться объем задач, стоящих перед экспертами, принципы отдельных конкретных решений. Судебная психиатрия больше, чем любая другая отрасль медицины, подвержена влиянию господствующих философских и идеологических установок данного общества. Так, свойственная тоталитарному режиму патерналистская концепция психиатрии привела к обвинению советской психиатрии в злоупотреблении в политических целях». И в сноске: «При этом обычно преобладают интересы государства или структуры».

Что касается дискуссии С.Н.Шишкова и А.А.Ткаченко в трех выпусках журнала «Психическое здоровье» в 2017 г. (№№ 6, 8, 11), последовавшей за обсуждаемой здесь статьей А.А.Ткаченко [14], то она была взаимно продуктивной. С.Н.Шишков прав, когда пишет, что «невозможно обосновать вменяемость, если ограничиться естественнонаучным изучением объективных свойств исследуемого предмета...», но неправ или неудачно выразился, когда продолжает: «решение оказывается достижимым только после предварительной «концептуальной обработки» данной предметной области». Тем самым он игнорирует парадигматически новый фундамент клинической психиатрии — «Общую психопатологию» Ясперса, нашу культуртрегерскую деятельность в этом направлении, с которой солидарен и А.А.Ткаченко.

Психиатрия не ограничивается естественнонаучной методологией, она привнесла методы гуманитарных наук, прежде всего, феноменологический метод («Логические исследования» Гуссерля 1900—1901 гг.), который представляет как раз изгнание любой концептуальной обработки. Поэтому в пределах своей профессиональной компетенции психиатры, решая вопрос о медицинском аспекте проблемы невменяемости, стоят на твердой почве.

А вот юридический аспект невменяемости находится в профессиональной компетенции юриспруденции. Но эта гуманитарная наука в условиях отсутствия независимого суда, отождествления права и закона и правления законами, т.е. в условиях авторитарного общественно-политического устройства, оказывается в наибольшей мере подверженной политической конъюнктуре, хотя на практике судебная психиатрия находится в том же положении. В нашей действительности мы свидетели того, как судебные психиатры транслируют позицию следователей, а суд — позицию экспертов-психиатров.

Но С.Н.Шишков предпочитает обсуждать болевые проблемы не своей профессии, а психиатрии: «Куда, к примеру, нужно отнести неглубокий шизофренический дефект с относительной сохранностью личности больного, — к расстройствам, исключаящим вменяемость или не исключаящим ее?».

Ответ прост: это предмет разбирательства каждого конкретного случая, а не формулирования общего для всех прокрустова законоположения. В этом отличие практиков и теоретиков, а также нормативного и правового. А.А.Ткаченко очень кстати приводит высказывание В.Х.Кандинского: «Не смешивать» формулировки статьи закона с инструкцией, «не мешаться не в свое дело». В момент принятия закона о психиатрической помощи мы подняли шум, обнаружив незаконную в момент юридической экспертизы подмену ключевого слова: вместо «министерства и ведомства вправе принимать нормативные акты» на «министерства и ведомства вправе принимать правовые решения». Вскоре «выход» был найден как раз смешением по типу ГОНГО (государственные негосударственные организации): стали писать «нормативно-правовые».

Если первоначально С.Н.Шишков пытался решить трудности с помощью конвенционализма в его самой грубой трактовке (чуждой А.Пуанкаре), как договоренностей, то в конце дискуссии подчеркнул, что он против его «чрезмерно широкого применения в судебной психиатрии», и что «условные договоренности в судебной психиатрии оправданы лишь, когда проблемная ситуация неразрешима иным способом». Давно выяснился разный смысл, вкладываемый в понятие конвенционализма, что девальвировало его, разволокнив на десятки различных версий.

Доказана и принята необходимость обоснования адекватности методологии предмету конкретной исследуемой проблемы в конкретных граничных условиях. Так, например, для литературоведения, где ценится многообразие трактовок, адекватна двучленная семантика де Соссюра, но в научных проблемах, где необходим однозначный ответ, востребована трехчленная семантика — знаменитый треугольник Фреге, т.е. вве-

дение понятия истинности. За этим стоит историческая линия вкладов фундаментальных для психиатрии: Г.Фреге — Э.Гуссерль — Н.Гартман — К.Айдукевич — К.Поппер. Необходимо внедрение в практику обоснования своих позиций треугольника Фреге и фальсификационизма Поппера в его современных редакциях. Это приблизит наш предмет к современному научному уровню.

С.Н.Шишков справедливо пишет о «методологической несостоятельности и практической бесперспективности»... «осевой модели», т.е. димензиональной. Он прав, решительно утверждая «принципиальную вариативность названного критерия, непреодолимую ни эмпирически, ни логически». Решение этой проблемы дает не димензиональный, а категориальный (качественный) подход с его понятием психотического уровня — завоевания феноменологической школы в психиатрии, а в судебной психиатрии — главы Гейдельбергской психиатрической школы, учителя Ясперса, Карла Вильманса, который — как и Кандинский — обосновывал дискретность вменяемости/невменяемости и оспаривал ограниченную вменяемость. Его классическими работами оперировали многие ведущие отечественные судебные психиатры 20—30-х годов.

Итак, понимание предмета своей профессии как аспекта рассмотрения уводит от устаревшего непродуктивного взгляда на взаимоотношение наук как на политическую карту на одной плоскости. Важно, чтобы феноменологически проясненное понимание предмета своей профессии определяло профессиональную интуицию, а это значит приобретение в ходе практической деятельности умения, как говорил Ясперс, психопатологически понимать, психопатологически различать, психопатологически мыслить и психопатологически описывать.

В заключение нельзя не выразить удовлетворения открытой дискуссией, которой давно не было и очень не хватает, так как ничто так не проясняет и не продвигает вперед.

Список литературы

1. Ясперс К. Общая психопатология. М., 1997
2. Шишков С.Н. Предмет и задачи судебной психиатрии. Руководство по судебной психиатрии. Ред. А.А.Ткаченко. М., 2012. С. 25-34.
3. Бруханский Н.П. Судебная психиатрия. М., 1928
4. Энциклопедический словарь медицинских терминов. Т. 2. М., 1983
5. Второй всесоюзный съезд психиатров. М., 1936
6. Проблемы судебной психиатрии. Сб. 6. М., 1947
7. Судебная психиатрия. Ред. А.Н.Бунеев, Ц.М.Файнберг. Второе перераб. и доп. изд. М., 1938

8. Судебная психиатрия. Ред. В.А.Внуков, Ц.М.Файнберг. М., 1936: 58-60
9. Савенко Ю.С. Введение в психиатрию. М., 2013
10. Медицинская и судебная психология. Ред. Т.Б.Дмитриева, Ф.С.Сафуанов. 4 изд. М., 2016: 15-16
11. Савенко Ю.С. Актуальные проблемы общей психопатологии и пропедевтики. Пути обновления психиатрии. М., 1991: 10-20
12. Шишков С.Н. Ускользающая вплоть до полного исчезновения (ответ на статью А.А.Ткаченко «Об ускользающей предметности судебной психиатрии»). *Психическое здоровье* 2017; (11): 61-68
13. Рудяков А.И., Протченко А.Б. Обязательное условие обеспечения научной обоснованности и объективности психиатрической экспертизы. Пути обновления психиатрии. М., 1991: 35-41
14. Ткаченко А.А. Предмет судебно-психиатрической экспертизы и трансляционная медицина. *Психическое здоровье* 2016; (11): 3-14
15. Савенко Ю.С. «Обоснование» упразднения негосударственной судебно-психиатрической экспертизы. *Независимый психиатрический журнал* 2005; (2): 67-70
16. Руководство по судебной психиатрии. Ред. Т.Б.Дмитриева. М., 2004.

References

1. Jaspers K. General psychopathology. Moscow, 1997. (In Russ.).
2. Shishkov S.N. The subject and tasks of forensic psychiatry. Manual of forensic psychiatry. Ed. A.A. Tkachenko. Moscow, 2012: 25-34. (In Russ.).
3. Brukhansky N.P. Forensic psychiatry. Moscow, 1928. (In Russ.).
4. The Encyclopedic Dictionary of Medical Terms, vol. 2. Moscow, 1983. (In Russ.).
5. Second All-Union Congress of Psychiatrists. Moscow, 1936. (In Russ.).
6. Problems of forensic psychiatry. Coll. 6. Moscow, 1947. (In Russ.).
7. Forensic psychiatry. Ed. A.N.Buneev, T.S.M.Fainberg. The second revised and enlarged edition. Moscow, 1938. (In Russ.).
8. Forensic psychiatry. Ed. V.A.Vnukov, C.M.Fainberg. Moscow, 1936: 58-60. (In Russ.).
9. Savenko Yu.S. Introduction to psychiatry. Moscow, 2013. (In Russ.).
10. Medical and forensic psychology. Ed. T.B.Dmitrieva, F.S. Safuanov. 4-th ed. Moscow, 2016: 15-16. (In Russ.).
11. Savenko Yu.S. Actual problems of general psychopathology and propedeutics. Ways of updating psychiatry. Moscow, 1991: 10-20. (In Russ.).
12. Shishkov S.N. Elusive until complete disappearance (The answer to the article of A.A.Tkachenko «On the elusive subject matter of forensic psychiatry»). *Mental Health* 2017; (11): 61-68. (In Russ.).
13. Rudyakov A.I., Protchenko A.B. An obligatory condition for ensuring the scientific validity and objectivity of psychiatric examination. Ways of updating psychiatry. Moscow, 1991: 35-41. (In Russ.).
14. Tkachenko A.A. The subject of forensic psychiatric examination and translational medicine. *Mental Health*, 2016; (11): 3-14. (In Russ.).
15. Savenko Yu.S. «Justification» for the abolition of non-state forensic psychiatric examination. *Independent Psychiatric Journal*, 2005; (2): 67-70. (In Russ.).
16. Manual of forensic psychiatry. Ed. T.B.Dmitrieva. Moscow, 2004. (In Russ.).

**TO THE PROBLEM OF THE SUBJECT OF FORENSIC-PSYCHIATRIC EXAMINATION.
RESPONSE TO THE DISCUSSION OF A.A. TKACHENKO AND S.N. SHISHKOV****Savenko Yu.S.**

Independent Psychiatric Association of Russia
Moscow, Russia

Corresponding author: *Savenko Yury*; e-mail: info@npar.ru

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Funding. The study had no sponsorship.

Accepted: 19.02.2018.

For citation: Savenko Yu.S. To the problem of the subject of forensic-psychiatric examination. Response to the discussion of A.A. Tkachenko and S.N. Shishkov. *Psikhicheskoe zdorov'e [Mental Health]* 2018; (3): 68-75. (In Russ.). DOI: 10.25557/2074-014X.2018.03.68-75

The problem of the subject of forensic psychiatric examination in the context of the subject of forensic psychiatry and the subject of forensic (pathological) psychology is critically discussed. An approach is proposed that removes inter-corporate conflicts and opens up prospects for constructive interaction.

Keywords: forensic psychiatry, forensic psychiatric examination, forensic pathopsychology, intercorporate conflicts